

В. Г. Стрельникова

ОКРАИНЫ РАННЕЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
«ЛЕВАНТИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» И ПРОЕКТ
ФЕРГАНСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Резюме

В статье предпринимается попытка описать и вписать в общий контекст два проекта постсоветской русскоязычной литературы, которые разрабатывались в 1990-х гг. авторами, характеризующими свое положение как периферийное относительно и мирового, и русскоязычного литературных полей. Проект ферганской поэтической школы и концепция «левантийской литературы» предполагают реорганизацию русскоязычного литературного пространства, в ходе которой перестраивается или отвергается не только существующая символическая культурная карта, но и колониальные координаты и дихотомии, во многом задающие отношения периферии и центра постсоветской литературы. Объединенные общим языком проекты используют его как культурный капитал и инструмент, позволяющий вписать их собственные тексты в мировую литературу, соединив Восток и Запад через общий для рассматриваемых авторов топос Средиземноморья, вокруг которого часто и происходит пространственное перестраивание литературного поля, сопровождающееся и определенными темпоральными сдвигами, которые, вероятно, также направлены на преодоление сформировавшегося советской эпохой «разрыва» пространства и времени, как это ощущалось, например, одним из авторов идеи «левантийской литературы», так что космополитичность становится одной из ключевых черт обеих концепций.

Ключевые слова: ферганская поэтическая школа, Ш. Абдуллаев, А. Гольдштейн, русско-израильская литература, «левантийская литература», постсоветская литература, зарубежная русскоязычная литература

Varvara G. Strelnikova

THE OUTSKIRTS OF EARLY POST-SOVIET RUSSIAN-
LANGUAGE LITERATURE:
"LEVANTINE LITERATURE" AND THE PROJECT
OF THE FERGANA SCHOOL OF POETRY

Abstract

The article attempts to describe and put into a general context two projects of post-Soviet Russian-language literature. These projects were developed in the 1990s by authors who describe their position as peripheral in both the area of world literature and in the Russian literary field. The project of the Fergana school of poetry and the concept of "Levantine literature" suggest a reorganization of the space of Russian-language literature. This reorganization includes the restructuring or the rejection not only of the existing symbolic cultural geography but also of the colonial coordinates and dichotomies that largely define the relationship between the periphery and the center of post-Soviet literature. The authors of these projects use their common language as cultural capital and as a tool that allows them to place their texts within the larger framework of world literature. They connect East and West through the common topos of the Mediterranean Sea, which forms the center for the restructuring of the literary field. This restructuring is accompanied by certain temporal shifts that are probably aimed at overcoming the spatial and chronological "gap" created by the Soviet era, as one of the authors of the idea of "Levantine literature" expressed it. Thus, cosmopolitanism becomes one of the key features of both projects.

Keywords: The Fergana School of Poetry, Shamshad Abdullaev, Alexander Goldstein, Russian-Israeli literature, Levantine literature, post-Soviet literature, Russian-language literature outside Russia

DOI 10.31860/2712-7591-2024-3-186-197

В контексте децентрализации русскоязычной литературы, вызванной распадом СССР, большей проницаемости государственных границ, благодаря которой можно говорить об этом явлении в терминах рассеивания, детерриторизации, литературы диаспор, происходит перераспределение символического капитала по новому, изменившемуся пространству, которое занимает русскоязычная словесность. В это время на его восточных окраинах активно развиваются два проекта, одной из целей которых является реорганизация пространства русскоязычной и даже мировой литературы. На постсоветском пространстве, в Узбекистане, в 1991 г. в журнале «Звезда Востока» появляется текст о «ферганской поэтической школе», объединяющей узбекских поэтов, пишущих по-русски, для создания новой узбекской литературы, ориентированной на европейскую традицию [Абдуллаев 1991]. В Тель-Авиве же, в среде эмигрантов из Советского Союза, Александр

Гольдштейн, приехавший туда из Баку в 1990 г., формулирует концепцию «левантийской литературы», которая также стремится объединить русско-израильских авторов для работы над новой литературой, стремящейся воссоединиться с западной литературной традицией [Гольдштейн 2011, с. 278–332].

Несмотря на географическую дистанцию и значительную разницу в локальных контекстах, у этих проектов есть одно важное сходство — выстраивание специфических пространственных координат, в которых должна разворачиваться их литература на русском языке. Координаты эти, кроме того, задаются как бы с окраины литературного мира. Интересным кажется и то, что в обеих концепциях появляется общий топос — Средиземное море, относительно которого происходит реорганизация пространства и редистрибуция символического капитала. «Левантийская литература» и проект ферганской школы позволяют посмотреть на то, каким могло бы быть пространство литературы на русском языке в 1990-е гг., когда, в терминах Паскаль Казановы, изменение политической карты, как кажется, потребовало изменения и карты интеллектуальной [Казанова, с. 13].

Концепция «левантийской литературы» появляется в эссе Гольдштейна «Тетис, или Средиземная почта», которое было опубликовано сначала в 1995 г. в русско-израильском литературном журнале «Зеркало», а затем в сборнике «Расставание с Нарциссом: опыты поминальной риторики» в 1997 г. В этом автофикциональном тексте Гольдштейн рассказывает о своем друге и писателе — как оказалось, выдуманном — Сергее Мельникове, который был «не на шутку увлечен левантийской литературной идеей» [Гольдштейн 2011, с. 297]. Она подразумевала объединение русско-израильских авторов в сообщество, коллективное творчество которого могло бы стать частью будущей литературы Средиземноморья, ожидающей своего возрождения в абстрактном и очень отдаленном будущем. Концепция, изложенная Гольдштейном устами Мельникова, продвигалась и другими русско-израильскими авторами. Например, эта же идея, но в несколько измененном виде получила название «Средиземноморская нота» или «Вопрос Кавафиса». Ее вместе с Гольдштейном продвигал Александр Бараш, поэтический сборник которого тоже назывался «Средиземноморская нота».

На другой восточной окраине русскоязычной литературы в 1998 г. вышел манифест ферганской школы, но уже после распада группы и за подписью одного Шамшада Абдуллаева, часто называемого ее неформальным лидером. В манифесте озвучиваются поэтические установки школы, среди которых, например, ориентация на средиземноморскую поэзию, особое внимание к пространству, а также отсутствие институций: «Мы не имеем своих

изданий, своих журналов, своих читателей и вынуждены мириться с рассеянным присутствием (публикации в России, в эмиграции) для других, для другой культуры» [Абдуллаев 1998a]. Однако произведения авторов объединения, а также некоторые программные тексты публиковались в журнале «Звезда Востока», редактором поэтического раздела которого Абдуллаев был с 1991 по 1995 г. Кажется, «Зеркало» и «Звезда Востока» стали на какое-то время лабораториями, в которых рассматриваемые идеи могли развиваться. Оба издания были, с одной стороны, институциями, позволяющими авторам существовать в статусе профессиональных писателей и даже зарабатывать этим трудом, а с другой — занимали достаточно периферийное положение для обеспечения свободы ведущихся «разработок». О таком выгодном положении «Звезды Востока» в начале 1990-х гг. писал, например, Кевин М. Ф. Платт, рассматривавший творчество Абдуллаева с точки зрения культурного капитала, которым обладает зарубежный автор, пишущий на русском языке [Платт].

В майском номере «Звезды Востока» 1991 г. описание ферганской школы начинается так: «Это группа людей, пишущих на русском языке...» [Абдуллаев 1991, с. 3]. Это, кажется, самая очевидная общая черта всей зарубежной русскоязычной литературы, однако выбор в пользу языка метрополии не так прозрачен, как может показаться на первый взгляд, так как зарубежные русскоязычные авторы, в частности Гольдштейн и Абдуллаев, находятся в очень неоднородной языковой среде и окружены живущей и развивающейся иноязычной литературой (на иврите и узбекском соответственно). Причины же такого выбора оказываются разными. В случае Гольдштейна его можно объяснить не самыми удачными и не очень настойчивыми попытками интеграции в локальное литературное сообщество: как замечает Эдуард Вайсбанд, немногие переведенные на иврит тексты Гольдштейна были плохо восприняты израильскими литературными критиками [Waysband, p. 278]. Возможно, именно этот разрыв с локальным литературным полем стал причиной лингвоцентризма «левантийской литературы», к которому мы вернемся позже.

Абдуллаев, в свою очередь, критикует современную литературу на узбекском, называет ее «конформистски примитивной и провинциальной», предельно консервативной, что сводит на нет, по его мнению, «критическую мысль и вкус». Но русская литература оказывается не более привлекательной. Отмечая ее «величие», Абдуллаев выделяет почти те же недостатки, что и в узбекской литературе: архаичность, обращенность в прошлое. Только в «последнее десятилетие», говорил Абдуллаев в интервью 2004 г., русская литература начала сдвигаться «в сторону живого мирового потока». Язык

же ее для автора был таким же «неуютным», как и любой другой «физический язык», составляющий не более чем «инструментарий» поэта [Разговорный жанр жизнетворчества]. При этом именно этот инструмент позволил Абдуллаеву обрести своего читателя — он, как и Гольдштейн, читается именно в бывшей метрополии [Платт, с. 301]. «Удобство» русского языка для межкультурного общения доказывал другой участник ферганской школы — Хамид Исмаилов. Он утверждал, что узбекский в силу своей «экстравертности» на уровне структуры стремится искать адресата и, не находя его, рискует постоянно замыкаться на разговор с самим собой, в то время как русский, благодаря своей «интровертности», производит безадресные высказывания, которые могут быть восприняты кем угодно [Корчагин 2017, с. 465].

В упомянутом выше интервью Абдуллаев, отвечая на вопрос Дениса Йоффе, положительно оценил идею «Международной русской литературы», описанную Александром Барашем на семинаре «Геополитика культуры и наш литературный быт», запись которого была опубликована в «Зеркале» в 1999 г. В основе этой идеи лежит представление о потенциальной космополитичной литературе на русском языке, возможности для формирования которой предоставляет Интернет и проницаемость государственных границ. Внутри, в рамках «российской» русской литературы, считает Бараш, развитие оказывается маловероятным, в то время как в пространстве мировом возможны, с одной стороны, углубление и развитие, а с другой — гибридизация языка, благодаря которым обеспечивается развитие литературы [Бараш]. Установка на космополитичность принципиально важна и для ферганской школы. Она проявляется как в выстраивании интернациональной линии литературной преемственности и традиции («Ориентация на средиземноморскую поэзию и отчасти англосаксонскую, минуя русскую литературу» [Абдуллаев 1998а]), так и в конструировании особого пространства, в котором пейзажи, несмотря на свою предметность, оказываются неотличимы друг от друга («космополитическое месиво одних и тех же мнимостей, залитых солнцем» [Там же]).

В то же время «Международная русская литература» развивает многие концептуальные опорные точки «левантийской литературы», а затем и «Средиземноморской ноты», описанные четырьмя годами ранее Гольдштейном, хотя и в форме художественного текста, из-за чего многие формулировки имеют более радикальный характер. Во-первых, общим является представление о том, что в экстерриториальности русского языка содержится продуктивное начало. Мельников, как пишет Гольдштейн, отсылал к идее «создания литературы на русском языке, всецело принадлежащей чужому,

не русскому геомифологическому миру» [Гольдштейн 2011, с. 293]. Чуть дальше в тексте он формулирует идею гибридности, основанную на этом особом положении русского языка в Израиле: «...бедная дочь Сиона в одеянии из кириллицы, наша речь распахнула себя каждому, кто о том вымолвил хотя бы словечко, и, конечно, правильно сделала, потому что целомудрие ей было отнюдь не по возрасту», — пишет Гольдштейн о газетной культуре Израиля, в которой он видит пространство для разработки новой литературы [Гольдштейн 2011, с. 301]. Такие процессы гибридизации на постсоветском пространстве, в частности в Узбекистане, описывает Мадина Тлостанова, однако парадоксальным кажется то, что исследовательница замечает лингвистический синтез скорее в языке массовой культуры и повседневного общения, но не в литературе. В свободном взаимодействии узбекского и русского она видит стирание дискурса колонизатора и колонизированного [Тлостанова, с. 319]. Интересно, что этот принцип и в «левантийской литературе», и в проекте ферганской школы переносится именно на «язык культуры», в чем можно увидеть деколониальное начало, которое, однако, сочетается с использованием абсолютно колониальных пространственных координат, к которым мы вернемся позже.

Наполнение формы чужим для нее содержанием, идея чужака, смотрящего на привычный ландшафт, была не менее важной для ферганской школы: «Гибридная стилистика, но неизменно одно — несколько фальшивых и чужеродных компонентов образуют подлинность целого» [Абдуллаев 1998а]. Однако русский язык, исключительно инструментальный, к которому Абдуллаев, по его словам, был абсолютно равнодушен, в тезисах Бараша и Гольдштейна оказывается не просто средством создания космополитичной литературы. В текстах ферганской школы язык упоминается, по всей видимости, только для формального описания сообщества авторов, пишущих по-русски, в то время как для «Международной русской литературы» он является единственным объединяющим признаком. Мельников же в воплощении идеи «левантийской литературы» видит возможность для «русской словесности» доказать «правомерность своих максималистских притязаний», дойти до завязи слова, воплотить заложенные в ее истории амбиции [Гольдштейн 2011, с. 293]. В 1999 г. Бараш возможность такого исхода отрицает. Он видит два пути возникновения международной русской литературы: через государственные институты, в этом случае «русская имперскость может обрести новую жизнь — во всей бывшей тоталитарной империи и зоне ее влияния, и даже шире», и демократическим путем, если «заживут самоценной, полнокровной жизнью периферийные центры», что, как ему кажется, гораздо более вероятно и что уже происходит [Бараш]. В описании

первого пути прослеживается лингвоцентричность, сформулированная также и Гольдштейном, как бы излагающим идеи Мельникова. Бараш называет литературу «владением языком, то есть властью над людьми через язык» [Бараш], что, принимая во внимание его апелляцию к реализации русской имперскости, вполне соответствует мысли Эткинда, утверждавшего, что русская литература — чуть ли не единственный работающий инструмент культурной гегемонии [Эткинд, с. 267].

«Периферийные центры», упомянутые выше, также появляются в идее «левантийской литературы», устройство которой наконец стоит описать. Она предполагала объединение израильских авторов, пишущих по-русски, и последующее создание большой наднациональной сети литератур Средиземноморья, центром которой должна была стать Александрия [Гольдштейн 2011, с. 300]. Пространственная ориентация здесь оказывается важнейшим критерием. В отличие от «Международной русской литературы» левантийскую литературу объединяет не язык, а географическое положение. «Периферийные центры» в новой системе координат перестают быть периферийными, они все помещаются в новый центр литературной жизни — Средиземноморье. При этом действительное собственное периферийное положение переживается Гольдштейном с определенной долей фрустрации. На актуальной карте мировой литературы Восток, на котором расположились русско-израильские авторы, представляется «провинциальными задворками мысли и стиля» [Гольдштейн 2011, с. 298]. В данном случае опозиция «центр — периферия» совпадает с колониальными координатами «Запад — Восток» и «Север — Юг».

Повторяется эта опозиция и у Абдуллаева, однако с несколько другим пафосом. В эссе «Поэзия и Фергана» он писал: «Кто родился в подобном топографическом тупике и вообще на любой неудачной периферии, не отпускающей его до зрелых лет, по сути, никогда не получит привилегию участвовать в мировом литературном хоре» [Абдуллаев 1998b, с. 209]. Однако оказалось, что Фергана — вполне удачная периферия для литературных экспериментов именно благодаря своей периферийности [Платт, с. 303]. Используя слово «провинциальный» с явными негативными коннотациями в отношении современных узбекских авторов, сам топос провинции Абдуллаев видит как продуктивный для создания новой поэтики. Бесприметное, разреженное пространство южной окраины оказывается идеальным местом для воссоединения крайних точек упомянутых колониальных дихотомий: «дух восточного захолустья и западный троп готовы на самом деле свить вдвоем гнездо» [Абдуллаев 2013, с. 131]. Более того, кажется, что пустота провинциального места предоставляет необходимую для реализации поэтических

приемов ферганской школы дистанцию, являющуюся одним из условий возможности «довести описание предмета до предельного натурализма в общем ирреальном настроении», поскольку «чем удаленнее объект, тем совершеннее орудие» [Абдуллаев 1998a]. В художественных текстах Абдуллаева периферийность является как бы обязательным условием: все действия разворачиваются в «захолустном кинотеатре», «глубинке», «невзрачной шири выжженной, шуршащей окраины», «богом забытом квартале» [Абдуллаев 2022, с. 13] на «глухой окраине» [Абдуллаев 2022, с. 29], которая позволяет произвести «приближение без близости и без обличья» [Абдуллаев 2013, с. 43]. И именно принципиально периферийное положение Платт видит как одну из стратегий успеха Абдуллаева среди российских читателей. Центр и окраина в его случае, как считает исследователь, сплетаются в одну замысловатую структуру, чертой которой, как кажется, оказывается денерархизация их отношений [Платт, с. 303].

В то же время эта окраина помещается, с одной стороны, в более конкретный, а с другой — в более широкий топос древнего государства. «Сочетание ясности взгляда, рефлексии, отстраненности», которые Александр Уланов видит в поэзии Абдуллаева, он в предисловии к сборнику «Приближение окраин» называет «греко-буддизмом», тут же вспоминая, что эта «странная» концепция уже реализовывалась в Греко-Бактрийском царстве, частью которого была Фергана [Уланов, с. 8]. Стихотворение «Археология», открывающее сборник, сразу напоминает нам о существовании такого топоса, где наслаиваются «перевод на пехлевийский упрямых киников», «навозный катыш рабочей лошади сухорукого юэчжи», «бактрийский черепок» и «пятна коринфского инжира» [Абдуллаев 2013, с. 13]. Замечательно, что культура этого царства была сформирована в результате движения Александра Македонского с запада на восток, а соединение эллинистической культуры с культурами захваченных земель является исторической реализацией гибридности, к которой стремилась ферганская школа. При этом Средиземное море, от которого начиналось это движение к слиянию культур, появляется в виде особенной локации во многих текстах Абдуллаева. Именно в создании подобия нового Греко-Бактрийского царства, космополитичного и интегрирующего Восток в мировую культуру, видел цель ферганской школы Кирилл Корчагин [Корчагин 2017, с. 449].

Фергана является местом, в котором Средиземноморье прямо узнается: «Именно тут, как ни странно, можешь поймать блаженство иной земли, иных картин далеких творцов, большей частью средиземноморского типа» [Абдуллаев 1998b, с. 209]. Это нейтральный то ли восточный, то ли романский дух, который может точно так же быть и средиземноморским, то есть

пограничным, соединяющим Восток и Запад, как само море соединяет Южную Европу, Северную Африку и «Левант». Восточная провинция и Средиземноморье сливаются в единое пространство: «Литературные тени Средиземноморья и, казалось бы, столь чужие им узбекские пустыри на самом деле исконно составляют естественную монолитность» [Абдуллаев 2003]. Отождествление этих отдаленных топосов появляется, например, в «Карте мира»: «альбатрос, неаполитанский порт, араб-эмигрант, покупающий рыбу, — нечто происшедшее также и с нами» [Абдуллаев 2013, с. 30]. В другом тексте герой «вглядывался в берег блещущего моря», слышал голоса героев фильмов пятидесятых годов, но «эта романтическая пытка прерывалась все время средиземноморской статикой», свойственной, заметим, и ферганским монотонным окраинам [Абдуллаев 2022, с. 40].

Интересным кажется и то, что эта провинция хранит следы своего колониального прошлого, которые видны как будто сквозь облетевшую штукатурку. Появляются срез земли, «обнажающий гравийный покров колониальных времен» [Абдуллаев 2022, с. 45], «кирпичи туземной школы, превращенные после *fin de siècle* в осуарий» [Абдуллаев 2013, с. 50], «кинотеатр колониальной эпохи» [Абдуллаев 2022, с. 19]. Но, следуя формуле «жизнь делегирует свою длительность исключительно чувству местности», Абдуллаев обращает вспять колониальную конвертацию пространства во время [Mignolo, p. 70], превращая время в пространство, как, например, в этом эпизоде: «На куполе дерева стрекотала птица — черная, с желтым клювом. Стрекотание звучало так настойчиво, что воспринималось как маленькое место в пространстве, наделенное невероятной энергией и пылкостью» [Абдуллаев 2022, с. 47]. Существующий в виде линейной, разворачивающейся во времени синтагмы звук передается в пространственных категориях.

Линия «Восток — Запад», осмысляемая Абдуллаевым как протяженность пространства, внутри которого постоянно происходит смешение и уподобление эпизодов, для Гольдштейна оказывается источником ressentiment. Переживание разрыва с европейской культурой отражено в концепции сборника «Расставание с Нарциссом», где советская культура представлена «автоканнибалистичной», а весь период ее развития — как разрыв, за которым должно последовать воссоединение «разъятого хроноса» [Корчагин 2013]. В эссе же «Нашествие» Гольдштейн сокрушается, что Израиль, который представлялся ему «убежищем» европейской культуры, «падает в азиатскую ночь» из-за мигрантов [Гольдштейн 2001, с. 26]. Пространственная и даже временная (первая книга автора концептуализирует именно исторический разрыв с европейской культурой) удаленность от Европы — это пре-

града, которую необходимо преодолеть для восстановления исторической и географической целостности. Там, где у Абдуллаева мы видим децентрированный мир повсеместной периферии, которая одна позволяет осуществить «приближение без близости и без обличья», у Гольдштейна появляется попытка перестроить отношение центра и окраины, перекроить «интеллектуальную карту» таким образом, чтобы положение русско-израильских авторов оказалось значимым, то есть расположенным ближе к новому центру. И центр в Средиземноморье, топосе, соединяющем Восток и Запад, как и провинция Абдуллаева, наделяется нелинейностью. Пользуясь метафорой из «Археологии» ферганского поэта, можно представить Средиземноморье Гольдштейна наслоением множественных культурных пластов прошлого, переносящихся в будущее, в котором станет возможным создание общины авторов и возрождение средиземноморской литературы. Настоящее, служащее свидетельством разрыва, дистанции, собственной периферийности, таким образом, из линии выпадает. Средиземноморье с центром в Александрии оказывается утопически недоступно из-за хронологической пропасти, простирающейся в обе стороны — в прошлое и в будущее.

Для находящихся на периферии литературного мира и принадлежащих в большей или меньшей степени пространству, деформированному процессами образования и распада советской империи, авторы конструируют альтернативные пространственно-временные координаты для создания своей литературы на русском языке. Этот язык, с одной стороны, очищается от своей истории, а с другой — трансформируется в новый поэтический инструмент. Именно через него парадоксальным образом осуществляется выход за пределы национальной литературы и становится возможным воссоединение литературы, создаваемой исследуемыми авторами, с мировой. Язык, обеспечивая признание в метрополии, видится тем не менее как инструмент интернациональной коммуникации, благодаря которой «периферийные центры» могут не просто «доставать» до литературных столиц, но и становиться ими посредством общей образности и общего «духа» или через воображаемый перенос к ним нового символического центра. Именно пространственная и временная «удаленность» от большого мира литературы служит импульсом для пересборки географии русскоязычной литературы. В то же время совершенно реальная политическая ситуация разрыва также способствует созданию целостного, по крайней мере концептуально, мира, в котором трансформируются или даже инвертируются и колониальные пространственные координаты, во многом задававшие проблематизированные отношения периферии и центра.

Литература

- Абдуллаев 1991 — *Абдуллаев Ш.* Поэзия // Звезда Востока. 1991. № 5. С. 3.
- Абдуллаев 1998a — *Абдуллаев Ш.* О школе // Ферганский Альманах. 1998. URL: <http://library.ferghana.ru/almanac/index.htm> (дата обращения — 14 ноября 2023 г.).
- Абдуллаев 1998b — *Абдуллаев Ш.* Поэзия и Фергана // Знамя. 1998. № 1. С. 209–210.
- Абдуллаев 2003 — *Абдуллаев Ш.* Приближение окраин // НЛО. 2003. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/priblizhenie-okrain.html> (дата обращения — 14 ноября 2023 г.).
- Абдуллаев 2013 — *Абдуллаев Ш.* Приближение окраин: Стихи. Эссе. М.: НЛО, 2013. 160 с.
- Абдуллаев 2022 — *Абдуллаев Ш.* Другой юг. М.: Носорог, 2022. 240 с.
- Бараш — *Бараш А.* Международная русская литература // Зеркало. 1999. № 9–10. С. 277–283. URL: http://www.litkarta.ru/world/israel/persons/barash-a/mezhdunarodnaya-russkaya-literatura/view_print/ (дата обращения — 14 ноября 2023 г.).
- Гольдштейн 2001 — *Гольдштейн А.* Аспекты духовного брака. М.: НЛО, 2001. 320 с.
- Гольдштейн 2011 — *Гольдштейн А.* Расставание с Нарциссом: Опыты поминальной риторики. М.: НЛО, 2011. 360 с.
- Казанова — *Казанова П.* Мировая республика литературы. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 426 с.
- Корчагин 2013 — *Корчагин К.* Разъятый хронос // Русская проза. 2013. Вып. В. С. 526–534.
- Корчагин 2017 — *Корчагин К.* «Когда мы заменим свой мир...»: ферганская поэтическая школа в поисках постколониального субъекта // НЛО. 2017. № 2. С. 448–470.
- Платт — *Платт К. М. Ф.* Преимущества расстояния: экстратерриториальность как культурный капитал на литературном рынке // Век диаспоры: Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020). М.: НЛО, 2021. С. 274–312.
- Разговорный жанр жизнетворчества — Разговорный жанр жизнетворчества. Шамшад Абдуллаев: конвульсии песка на гребне расстояний // Топос: литературно-философский журнал. 2004. URL: <https://www.topos.ru/article/2215> (дата обращения — 14 ноября 2023 г.).
- Тлостанова — *Тлостанова М.* Жить никогда, писать ниоткуда: Постсоветская литература и эстетика транскulturации. М.: УРСС, 2004. 416 с.
- Уланов — *Уланов А.* Неуместное в месте // Абдуллаев Ш. Приближение окраин: Стихи. Эссе. М.: НЛО, 2013. С. 5–10.
- Эткинд — *Эткинд А.* Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: НЛО, 2022. 448 с.
- Mignolo — *Mignolo W. D.* Coloniality at Large: Time and the Colonial Difference // Enchantments of Modernity. Empire, Nation, Globalization. Routledge, 2009. 504 p.
- Waysband — *Waysband E.* Alexander Goldstein's «Tethys or Mediterranean Mail»: A Russian-Israeli Levantine Literary Idea Reconsidered // Ab Imperio. 2018. № 4. P. 253–280.

References

- Abdullaev, Sh. (1991). 'Poeziya', *Zvezda Vostoka*, 5, 3.
- Abdullaev, Sh. (1998). 'O shkole', *FergaNskii Al'Manakh*, accessed November 14, 2023, <http://library.ferghana.ru/almanac/index.htm>.
- Abdullaev, Sh. (1998). 'Poeziya i Fergana', *Znamiya*, 1, 209–210.
- Abdullaev, Sh. (2003). 'Priblizhenie okrain', *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4, accessed November 14, 2023, <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/priblizhenie-okrain.html>.
- Abdullaev, Sh. (2013). *Priblizhenie okrain: Stikhi. Esse*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 160 p.
- Abdullaev, Sh. (2022). *Drugoi yug*. Moscow: Nosorog, 240 p.
- Barash, A. (1999). 'Mezhdunarodnaya russkaya literatura', *Zerkalo*, 9–10, 277–283, accessed November 14, 2023, http://www.litkarta.ru/world/israel/persons/barash-a/mezhdunarodnaya-russkaya-literatura/view_print/
- Casanova, P. (2003). *Mirovaya respublika literatury* [The World Republic of Letters]. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 426 p.
- Etkind, A. (2022). *Vnutrennyaya kolonizatsiya: Imperskii opyt Rossii* [Internal Colonization: Russia's Imperial Experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p.
- Goldstein, A. (2001). *Aspekty dukhovnogo braka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 360 p.
- Goldstein, A. (2011). *Rasstavanie s Nartsissom: Opyty pominal'noi ritoriki* [Parting from Narcissus]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 360 p.
- Korchagin, K. (2013). 'Raz"yatyi khronos', in: *Russkaya proza*. Vol. B, p. 526—534.
- Korchagin, K. (2017). '«Kogda my zamenim svoi mir...»: ferganskaya poeticheskaya shkola v poiskakh postkolonial'nogo sub"ekta' [«When we replace our world...»: The Fergana School of Poetry in Search of a Post-Colonial Subject], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2, 448—470.
- Platt, K. M. F. (2021). 'Preimushchestva rasstoyaniya: ekstraterritorial'nost' kak kul'turnyi kapital na literaturnom rynke', in: *Vek diaspory: Traektorii zarubezhnoi russkoi literatury*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 274—312.
- 'Razgovornyi zhanr zhiznetvorchestva. Shamshad Abdullaev: konvul'sii peska na grebne Rasstoyanii' (2004), *Topos: literaturno-filosofskii zhurnal*, accessed November 14, 2023, <https://www.topos.ru/article/2215>.
- Tlostanova, M. (2004). *Zhit' nikogda, pisat' niotkuda. Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turatsii*. Moscow: URSS, 416 p.
- Ulanov, A. (2013). 'Neumestnoe v meste', in: Abdullaev, Sh. *Priblizhenie okrain: Stikhi. Esse*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 5—10.